

2 р. 76 н.
По преискуранту 1952 г.

РАК. I 1224554

ас

Сергей Орлов

РАДУГА
В СТЕПИ

С. Орлов РАДУГА В

ЛЕНИЗДАТ • 1952

ШЗ

КНИГ

ВВ

ГУРАЛ

Сергей Викторов

Сергею Викторову
другу, земляку
и по духу

ПАМЯТЬ

Сергею

просто о жизни, любви, дружбе,
пусть тебе будет, земля, земля,
напомнишь о Сергее

ВСТЕПЬ

12 мая 52г

наши страны
но донской земли
где нам было жарко
дошлось только тени
и холодного шва, но сшива
наше все ж. Наше все!

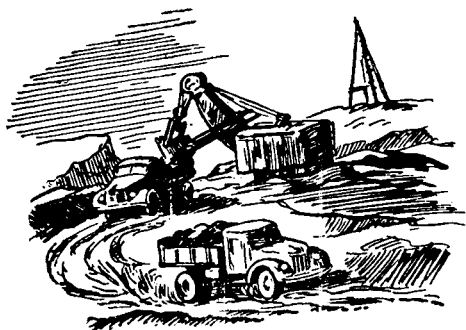
Мемориальное
издание журналов и книжное
издательство

1952

1224554

Сергей

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

1

САМОЛЕТ ЛЕТИТ В СТАЛИНГРАД

Дождь высекал на стеклах искры,
Светило солнце сбоку нам,
И самолет летел, как выстрел,
След оставляя облакам.

А там внизу, под облаками,
Ветра́ горячие мели,
Дождь испарялся над песками,
Не долетая до земли.

Как будто в дачной электричке
Спеша на службу на завод,
Читал газеты по привычке,
Дремал, глядел в окно народ.

Гидрологи и лесоводы
Летели в город Сталинград,
Чтоб дать степям безводным воды
И превратить пустыни в сад.

И добрым предзнаменованием,
Касаясь жесткого крыла,
Живым трепещущим сияньем
За нами радуга плыла.

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России
И всю ее прикрыл собой.

Прикрыл ее леса и реки
Долины, сёла, города
И всё, чем Русь была вовеки
Сильна, прославлена, горда,

И этот день, в спящих бликах
Металла, солнца и воды,
В размахе замыслов великих
Начавший мирные труды

От шлюзов нового канала
До гидростроя у Рынка,
И на степных заволжских палах
Прохладу первого леска.

* * *

Как линкоры, заложенные в степи,
Поднимают шлюзы борта,
На железные рёбра броню нацепив
Из бетона, к плите плита.

Многоверстной плотины желтеет вал,
Клювы кранов проносятся, воздух чертя. .
Я таким марсианский пейзаж представлял,
В детстве книги фантастов прочтя.

Взлет мечты на пустынной и голой земле.
Но в забоях заминка вышла с утра.
И в колонне, с каждой минутой злей,
По-земному ругаются шофера.

Машинистам в забоях рук не отнять
От стальных рычагов, а в глазах одно:
Котлован, самосвал, котлован и опять
Дно канала и кузова дно.

А железо такое: плюнешь — шипит.
✓ Тень, как камень, падает ниц.
Сухошей слепит, на зубах скрипит,
Сушит пот через ткань рукавиц.

Машинистам минута — три тонны земли,
Глубина четырех кубов.
И они в железо кабин вросли,
Не считая горячих часов.

А над степью такая стоит высота —
Не достанешь стрелой до синевы.
И за пылью сиянием дня залита
Вся земля так, что видно до самой Москвы.

Степь в далеких забоях звенит, как медь,
Чтобы Волгу с Доном связать.
И об этом надо не только уметь,
Надо право иметь сказать.

* * *

Катятся мохнатые шары
Изредка по рыжему раздолью.
Всё в степи погибло от жары,
Есть одно лишь перекасти-поле.

Пестрый щур, да суслик-истукан,
Да один на весь небесный купол
Ястреб, как старинный ятаган,
В синеве поблескивает скупо.

Я в степи не видел ковыля, —
Где он, в песнях и стихах воспетый?
Выжженная голая земля —
Вовсе не лазоревого цвета.

Есть в степи иная красота.
Видел я: казак донской станицы,
Не узнав знакомые места,
Загляделся на ее зарницы.

Сколько клял он горизонт в пыли,
Что вскипал, бедою угрожая,
Сколько пропадало здесь земли
И сгорало сколько урожаев!

И какой тут, к чёрту, красотой
Очаруют и заманят дали
Этой пропадавшей и пустой
Выжженной земли. Земли печали.

Но трехтонки поднимали пыль.
Воздвигая горы в котловане,
Экскаватор голой степью плыл,
Как корабль огромный в океане.

Вспыхнули вдали огни подряд,
И похожа стала степь на город...
Резал ястреб в высоте закат
И не мог перевалить за горы!

ЗВЁЗДЫ

В центре района у штаба работ,
Где георгины цветут горячо,
Звёзды участков поставил народ,
Планки фанеры оббив кумачом.

Лампочки — в каждой по тысяче ватт,
Не для красоты, а во славу труда.
План выполняется — звёзды горят;
Плохо работали — гаснет звезда.

Так уж решили без лишних затей:
Краски заката в пыли отцветут,
Встанет, с разбегу замрет суховей —
В штабе итоги работ подведут.
Пусть загораются в небе тогда
Пятиконечные знаки труда.

Свет их — бессонница конструкторов,
Точность прорабов, что стройку ведут,
Сила бетонщиков, мостовщиков,
Плотников пот и трамбовщиков труд.

Вечером синим далёко видны
Звёзды, что силой труда зажжены.

По горизонту над степью подряд
Мачты соседних районов горят.

Где-то, не видные в дальних горах,
Лампы шахтеры зажгли на копрах.
Светит на северном склоне небес
Звёздочка Марьинской МТС.

И потому, что вся наша земля,
Всё до границ государство труда
Трудится ночи, дни и года, —
Светят над миром звёзды Кремля.

У РЕПРОДУКТОРА

В ночной степи, огнем залитой
От ламп и фар вокруг,
Динамик, на столбе прибитый,
Собрал нас в круг.

Звучал на стройучастке голос.
Он говорил о том,
Как небо о землю кололось
Сплошным огнем,

Как падали домá и люди,
Как потрясал
Поля корейские орудий
Американских шквал.

Шлюз возвышался глыбой хмурой,
Спокоен к голосу беды,
Но вдруг напомнил арматурой
«Катюш» ряды, —

Тех, что когда-то бушевали,
С ума сводя
Войска, что страны потрясали,
С войной придя.

А сполохи огня не гасли
В степи не зря:
Они сулили людям счастье,
В ночи горя.

И высокó над ними где-то,
Продолжа гул работ,
Прошел, пересекая лето,
Патрульный самолет.

И на концах тяжелых крыльев,
Невидимых в тени, —
Со звёздами в соседстве плыли
Его огни.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
«Фамилия... Имя... Отчество?»
И на свободную койку ведет:
Спать ведь сердечному хочется.

«Тут и ложись, до утра поспи, —
Шёпотом льется речь ее. —
Хозяин койки где-то в степи,
Так что стесняться нечего».

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жителя.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять —
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покою не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрал,
Уложит, чтобы не морщилась...
Марья Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, стирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день сделает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души...
Скажешь: «Да как вы одна
с заботами?» —
«Чего уж заботы мои, не смехи,
Вот уж они — работают».

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит домá,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седь,
Спецовки долой и ботинки...
От вёдер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солнцем и степью веет от спин.
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

ЛЕСОВОД

В степи, где суховеи неизменны
Да рыжие текучие пески,
Ему еще пока что до колена
Не достают, но занялись дубки.

Над каждым он склонялся со старанием,
Как будто бы он пламень раздувал
Листвы негромкой собственным дыханьем,
Рвал сорняки и землю поливал.

Уже в тени зеленого навеса
Пичуги отдыхают от жары...
И вот он встал посередине леса,
Любуясь на дубки: «Добры, добры!»

Когда-нибудь на праздничной равнине
Под кронами столетними дубов,
Когда не будет на земле в помине
Ни этих суховеев, ни песков,

О нем потомки вспомнят. И в тумане
Голубоватой утренней росы
Таким же точно он для них предстанет,
Как в этот день стоял у полосы:

Сутулый, в гимнастерке неизменной,
Ладони заскорузлы и грубы,
И точно так же будут до колена
Тогда ему столетние дубы.

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В КАЛАЧЕ

Есть могила в Калаче над Доном,
Взорам и ветрам степным открыт,
С пушкой, в степь донскую наведенной,
Танк на каменном холме стоит.

Он прорвался с Волги утром ранним,
И донской воды, склонясь на льду,
Шлемом зачерпнул тогда механик
У России целой на виду.

Круглый люк над башнею откинут,
Открывая купол голубой.
Спит спокойно экипаж машины,
Побратавшись навеки меж собой.

А вверху, цементом пропылённы,
Воздух разрывая на куски,
Днем и ночью с камнем и бетоном
По шоссе летят грузовики.

С подвигом солдат, погибших рядом,
Там, где шлюз тринадцатый, — с утра
Раздают десятники наряды,
Грунт идет в забоях на-гора́.

О причалы пеною плеская,
Заливая навсегда пески,
Вот уж в степь идет вода донская
К водам Волги-матушки реки.

Видит танк порталных кранов стрелы,
Башни шлюзов, насыпи плотин,
Жизнь людей, не знающих предела,
Битву суховеев и машин.

Он стоит, по собственному праву,
В центре дел над Доном, молчалив,
В дальний год навеки для державы
С Волгой тихий Дон соединив.

В КЛУБЕ

Вечером на трассе Волго-Дона,
Там, где звёзды и огни горят,
В клубе Береславского района
Выступают деятели МХАТ.

Зал отхлынул, как река, и замер.
От него не отрывая взор,
Свой забытый выпускной экзамен
Почему-то вспомнил режиссер.

Всколыхнулись легкие кулисы,
И, вступив в высокие права,
Всей стране известные артисты
Произносят первые слова...

Первые тревожные движенья —
И по ним, дыханье затая,
Видит он, в каком сейчас волненье
Все его старинные друзья.

Люстры всё ещё идут на убыль,
Тают, исчезая без следа,
А за светом рампы в зале клуба
Тишина на сорок три ряда.

Пыль, мазут коричневый и копогы
Час назад с тяжелых рук отмыв,
Вот они сидят, о локоть локоть,
Всё еще пока не позабыв

О бетоне, о земле, о камне,
О машинах в мареве степном —
Девушки с льняными волосами
И глазами неба голубей,

Парни, опаленные жарою...
Вот они сидят, творцы чудес,
Зрители и главные герои
Будущих непревзойденных пьес.

Выступить артистам приходилось
В деревенской школе и в цеху,
И видать артистам доводилось
Зрителей немало на веку, —

Только нынче вспомнилось иное,
Захлестнуло жаркою волной:
Может быть, танкистам под Москвою
Так они концерт давали свой.

В бой уходит через час бригада,
Сорок башен танковых молчат,
И сегодня, точно так же рядом,
Громы несмолкаемо гремят...

А за рампой будто стало пусто,
Зал молчит по сорок третий ряд...
Высшие ценители искусства
В зале, краской пахнущем, сидят.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ДОЖДЬ

Он застал нас в степи, от него не уйдешь,
Он хлестал по машине в упор,
В нем от зноя хрипел, задыхался мотор,
А водитель шутил: «Сталинградский дождь».
По железу, по стёклам наискосок,
Как наждак оставляя следы,
Дождь косой, проливной, без пылинки воды —
Раскаленный крутой песок.
Мне казалось, что, вскинешь за дверцей
ладонь —

И по коже пойдут пузыри.
Мне казалось: машина идет сквозь огонь
(А водитель сто раз эту трассу торил).
Замутилась дорога, и прутик стальной
Вырубал на стекле полукруг
Неба синего, желтой равнины степной —
Открывал северянину Юг.
Там, на севере, льют в эту пору у нас
Настоящие с неба дожди.
Их бы в эти безводные степи на час —
Можно было бы их разбудить
Шумом трав, тихим стуком смолистых ветвей
И негромкой свирелью ручья,
Но в степи бушевал без конца суховей, —
Возмутился природою я.

А водитель, как видно, не думал о том,
Не мечтал о далеких дождях, не грустил.
Просто бутовый камень, песок да бетон
Для плотин и для шлюзов водитель возил.
Для плотин, у которых морям грохотать.
У которых садам расцветать,
От которых дорогу дождям начинать
И ветрам поворачивать вспять.

Ш Л Ю З

Вихри пыли как всегда бродили,
Было сорок градусов жары.
Арматуру сварщики варили,
Шел бетон и ухаля копры.
Словом, был обычный день работы,
Угловат, громоздок и тяжел,
И прораб отчитывал кого-то,
Будто тот всю стройку запорол.
Но над громом, пылью, над угаром
Приказали смену смене сдать
Медной гильзы звонкие удары,
И, собравшись берег покидать,
Черные от зноя люди встали
И застыли вдруг, поражены,
Будто мир впервые увидали
Среди наступившей тишины.
Кажется, на сотни лет терпенья,
Сил они и воли запасли,
Мир железа и камней в движенье
Вечное руками привели.
Всё как будто оставалось в силе:
Те же сорок градусов жары,
Не переставая, так же били
У причалов, ухаля, копры;

Шлюз стоял пока еще без башен,
Не плескалась в сталь ворот вода.
Но уже бесспорно во вчерашнем
Оставалась жаркая страда.
Там, за шлюзом, кровлю небосклона
Задевали мачты как всегда,
И казалось людям: это с Дона
Подошли и входа ждут суда.

КОНЬ

Степь гремит, как море широка,
Но взялась откуда — непонятно —
В ней под вечер песня ямщика,
По шоссе плывущая невнятно.

На сто верст подкова ни одна
Пыль не припечатала ни разу,
И повсюду елочка видна
Крутобоких пятитонных МАЗов.

А по следу их из Калача,
Непривычный здешнему народу,
Рыжий конь, подковами стуча,
В степь везет в дубовой бочке воду.

Кружку пива осушив в ларьке,
Кнутиком старательно махая,
«Степь да степь кругом...» — о ямщике
Дед, у бочки сидя, напевает.

Гаснет солнце в дымной полосе,
Вот уже не пышет небо жаром,
И навстречу песне по шоссе
Голубые ударяют фары.

Катится степной, обычный гром,
Но уже визжат, скрежещут шины.
Перед рыжим огненным конем
Тормозят тяжелые машины.

Ну а конь мотает головой,
Ноль внимания на всю колонну
И глядят шофёры удивленно
Из кабин на транспорт гужевой,

Объезжая с бочкою коня.
Вот уже опять поет подводчик...
Степь да степь, — а в ней столбы огня,
Гул работ и душный полог ночи

ТАНКИ В СТАЛИНГРАДЕ

Встали танки энского полка
На бетонных вечных пьедесталах,
Там, где на́ смерть гвардия стояла
От Красноармейска до Рынка́.

Купол неба ярок и высок,
Тихо Волга плещется о сушу,
И легко ложатся на песок
Несгибаемые тени пушек.

И хотя разгромлена война,
Люки не задраили башнёры;
В башнях поселилась тишина,
Но знакомо воздух рвут моторы.

Дизельные жаркие сердца
Громко бьются на путях гудронных,
На полях пшеничных у Донца
И в забоях трассы Волго-Дона.

От Красноармейска до Рынка́
Открывают полдень созиданья
Известковой пыли облака,
Белые стремительные зданья.

Стрелы кранов смелой высоты,
Шум неумолкающих лебедек,
И на Волге грузные плоты,
И ее торжественные воды.

Деревца на площади Борцов,
Трубы Тракторного в небе синем...
Родины прекрасное лицо
Здесь я видел, как нигде в России.

На века в соседстве здесь стоят
Башни танков, что на пьедесталах,
И у вознесенных эстакад
Башни шлюзов нового канала.

К миру устремленная земля
Солнцем залита, росой умыта;
В юные одета тополя
И броней танковой прикрыта.

2

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи,
Чернобуры на заре.

Ели, словно колокольни,
Тишина вокруг хмельна,
Из травы встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье вёсел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Всё пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли.
И петухи прокукарекали,
Должно быть — на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На вёслах в тишине ночной.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое,
Как тонкий стук ее подков,
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой, лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь — ударь с размаху шпорой
И лети на край земли в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка),
Восторгаясь ото всей души.

Мастер посетителей встречает,
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!..
Испортит!..»
Не испортит. Это знают все.

Весь район за стёклами витрины
Показал фотограф несроста,
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика)
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сёл крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой,
Две Звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах,
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа
На зеленом письменном столе.

Разговор с товарищем из центра
Петр Степаныч Иванов ведет.
Машинистка в ундервуд за стенкой
Деликатнее как можно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка, — волосы вразлет:
«Петр Степаныч, я прошу прощенья —
Шура Капарулина поет!»

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой, грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье,
О котором кто не тосковал?..

В девичьей косынке над рекою, —
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой ундервуд.

«Но нельзя рябине к дубу перебраться», --
Шура Капарулина поет...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.

Имена певцу перебирая,
Чуть взгрустнув — немножечко устал, --
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

Кто ж такая это в самом деле?
У предрика — свет из-под бровей:
«Мастерица кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...»

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на клёнах птицы,
И в окошко радиоузла
Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?..

И шофер-парнишка, с грузом срочным,
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Тихо! Капарулина поет!

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе,
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого, как кипень, голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах вешнего тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра,
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,
А мальчишка этого не знает, —
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Золотой, без шапки, босиком, —
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Он не слышит под ногами крыши,
Выше, выше голубь... А в поля
Где-то трактор на работу вышел
С трактористом русым у руля.

Виден этот голубь трактористу,
Виден и девчатам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

Есть мальчишка в солнечном районе,
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого, как кипень, голубка.

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на всё натывается,
Копытца врозь разъезжаются,
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И видно уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадью,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

* * *

Пришел мальчишка в школу, в первый
класс,
Совсем малыш, веснушчат и вихраст.

На парте глобус, круглый, голубой, —
Из тонкого картона шар земной.

Мальчишка перед партою привстал
И осторожно землю приподнял.

Потом рукою загорелой, в цыпках,
Крутнул планету бережно, не шибко.

Моря, материки попеременно
Плывут. От глобуса он не отводит глаз.

Он вырастет хозяином вселенной...
Пришел мальчишка в школу, в первый
класс.

СТАНЦИЯ «ВАЛЯ»

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С остановкой краткой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
Им хочется так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкой на них непрерывно
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку соседи
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

НА СВАДЬБЕ

Окна и двери настезь,
Гудит пятистенный дом,
Как будто задумал счастьем
Делиться со всем селом.

И может быть, счастью тесно
И надо бы стены на слом,
Чтоб жениха с невестой
Видело всё село.

Чтоб видели все, как рядом
Сидит, словно на параде,
Тракторная бригада
При всех сорока наградах.

Четыре баяна, споря,
Играют вальсы и песни.
Давно по колено море
Свёкору вместе с тестем.

Горят у окон рябины,
И за углом у дома
Забыл на всю ночь машину.
Сам секретарь райкома.

А ветер влетает в сенцы,
Как всадник, по сентябрю.
На свадебных полотенцах
Поют петухи зарю...

В ТЕПЛИЦЕ

На улице снежная вьюга метет,
А в двери войдешь ты с мороза,
И августом жарким навстречу пахнёт
В тепличном хозяйстве колхоза.

В зеленое пламя ботвы помидор
Тебя поведет от порога
Прямой, убегающий вдаль коридор,
Как будто бы в поле дорога.

Здесь, словно подсолнухи, лампы стоят
Под небом стеклянным рядами.
Краснеет редиска, клубится салат,
Соседствуя с огурцами.

И капли воды на крупинки росы
На листьях мохнатых похожи.
Озябли слегка пузаны-огурцы:
В пупырышках нежная кожа.

Но климатом всем управляют вдвоем,
Согласно инструкциям строгим,
Здесь дед-бородач с молодым пареньком,
А не всемогущие боги.

Коль надо жару́, так жару́ зададут,
Коль надо, — прохладой повеют.
И столбики ртути в термометрах тут
Без них шевельнуться не смеют.

Забудешь, что стёкла от снега белы...
Горят огоньки желтоцвета.
И лишь нехватает гуденья пчелы
В теплице для полного лета,

Да пения иволги над головой,
Когда от клубники багряной
Пахнёт на тебя сенокосной порой,
Лесной земляничной поляной.

ПЕСНЯ

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко́, высоко́ и тонко
Тенор песню вывел, — она
Всё о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас упрямый, тяжелый, низкий
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина на висках легла),
О девчонке вдруг загрузили
И запели два мужика.

И не то, чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то, чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет наверно с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы, —
Тут вот песня и родилась.

Высоко́, высоко́ и тонко
К синим звёздам летит она,
Как жила за рекой девчонка
За рекой за Шексной одна.

ПЛОВУЧАЯ КУЛЬТБАЗА

На сцене культбазы пловучей,
В кисейное платье одета,
В любви по Ромео измучена,
Грустит и тоскует Джульетта.

Девчата из ближних колхозов —
Доярки, вязальщицы, жницы —
Сидят, и нестыдные слёзы
Дрожат у девчат на ресницах.

Сурово молчат плотгоны,
Колышется занавес алый,
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела взволновала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит...

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не стронуть с причала.

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта,
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой, засохшею в глине,
И ветер из поля доносит
Старинную песнь о рябине...

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Здесь, сужаясь и приседая,
В темных зарослях ивняка,
Вниз с плотины, почти седая,
Вертикально летит река.

Опрокинутая на спину,
На лету превращаясь в гром,
Гулко падает в пасть турбины
И закручивается винтом.

Продолжают ее вращенье
Якоря динамо впотьмах,
И мы слышим ее гуденье
В металлических проводах.

На железных ногах, по звеньям
Пропыленного большака,
Здесь высокого напряженья
По стране шагает река!..

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым, на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром.
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой.
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок...

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке,
Встреча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотоизображенье,
Колыхающееся слегка.

Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.

И прошло его отраженье,
Всё в знамёнах и всё в венках,
Всё зеленое, всё в движенье,
В синем небе на трех быках.

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан.
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит выдавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоти и сажи,
В каком году он начинал свой век,
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом
к причалам?

Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскою не грезя.

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой парóm, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.
Пожилой паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках,
На парóме по реке.
Он упрется в борт старательно —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.
Пусть канат скользит, как сыромять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,
И качнет ответно кронами
Бор на правой стороне.
А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется парóm, —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом:

— Разрешите огня, пожалуйста! —
Спичка выстрелит в руке.
— Где-то мы, солдат, встречались;
Не на Одере-реке?..

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний ветер оглушен,
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять,
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут,
Пахнёт щемящий сердце запах.
Как будто лето привезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

БАКЕНЩИК

Река, разлившаяся, быстрая,
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно,
От огонька на огонек,
Фарватером реки проверенным;
И пусть туманный путь далек,

Пусть мели есть в реке опасные, —
Доставить нужно грузы в срок...
Горит-горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь умирают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомянут каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

КУРОРТНИКИ

Сверкали горы в небе гранями,
Пейзаж был ярок и величествен,
Два земляка, два северянина
Ходили по земле таврической.

А над горами, как пожарище,
Катилось солнце — море плавало,
Но было грустно двум товарищам,
Одетым по курортным правилам.

На юге загрузив о севере,
О всех делах, что там оставили,
Один подумал: как посеяли?..
Другой: как лес на реках сплавили?..

Как там район живет, работает
Да как там планы выполняются,
Когда они здесь, беззаботные,
По бережку у моря шляются.

Но не любили громких фраз они,
И про дела свои хозяйские
Вслух было ими просто сказано
Совсем не так в то утро майское.

Один сказал: «На Белом озере
Еще остатки льдин мерещатся,
И цвета моря море озими
В полях за Белозерском плещется».

Другой вздохнул: «У нас за Вологодой
Черемуха в Никольске пенится,
И, значит, ветер веет холодом,
А здесь куда от солнца денешься...»

НОЧЬ

На карты не все занесенный.
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным укрытый.

Сады в его изголовье
Ветрами взбиты прилежно.
Запорошила кровли
Черемуха цветом снежным.

Полночь с зарницей низко
Нагнется над ним, осветит
Улицы, площадь, пристань,
Речку в плену у вётел.

На тех же широтах где-то
Есть города бессонные,
С заката и до рассвета
Улицы озаренные.

А здесь все огни погашены,
Спят служащие и рабочие,
Дня продолженье вчерашнего
Снится им поздней ночью.

Всё, о чем вслух мечтается
Дома и на собраниях,
Всё, чего добиваются
Милые горожане.

Учителю — новая школа,
Школьнику — гром стадиона,
Трибуны над речкой Шолой,
Девушкам — парк зеленый.

Шоферу — асфальт без края,
А плановику-мечтателю —
Всё разом, — ведь он-то знает.
Что сбудется обязательно.

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Лежит городок районный,
Небом ночным укрытый.

Снится ему (я знаю,
Так будет в будущем, в скором),
Что стал он гордостью края,
Большим, знаменитым городом.

* * *

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летящее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Всё забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стóбит любить иль не стóбит.

И нагрянет любовь,
От которой — некуда деться;
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

СТУДЕНТКЕ

Там заметает улицы зима,
Как по морским волнам плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград,
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы
И дворникам лишь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Могла бы ты не тосковать о нем?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей ребячьей кутерьмы,
Под абажуром разложив тетради,
Поверить в то, что вовсе нет зимы,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,
А по рисунку, — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И так — пока в предутреннюю сонь
Спать не уйдет из лампочки огонь,
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шексну или Шелонь.

Спит сторожика, в школе тишина.
В окно плывет торжественно луна,
На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд;
И перед сном, накинув шаль на плечи,
Могла б ты, выйдя ночью на мороз,

Решить, что день делами был богат?
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропку проторят.

Уходит прочь косматая метель,
Свою на Невском бросив канитель;
Тебе на Мойке в общежитье снятся
Снега́ вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой;
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней:
Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней.

О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправленья, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправленья минуток пять...
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

Всё, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,
Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив...

А девушка, видно, о том не знает:
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная —
Вдруг присмирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

Всё, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила,
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздаётся гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

ПОЕЗД

Этот поезд, идущий в лето,
Я люблю по дороге к заветному —
На него доставать билеты
Очень трудно простому смертному.

Надо юным быть совершенно
И влюбленным в дороги страстно
И мечтать уметь несомненно
О возвышенном и прекрасном.

Надо с трудностями бороться,
Год сидеть за книгами честно,
И тогда для тебя найдется
Возле лампочки лучшее место.

Рюкзаки, как подушки, — в голову,
И — да здравствует наше лето!
Едут в Киров, Рязань и Вологду
Земляки по университету.

Поезд медленно с места тронется,
Набирая упрямо скорость,
И березы ему поклонятся
На опушке за семафором.

Лес протянет к нему зеленые,
От росы блестящие лапы.
Речка вынырнет под вагонами,
Вся рябая от солнца, в накрапах.

А в вагонах — все окна настезь,
Дым колечками вьет веселый,
В область сердца, по праву счастья,
Едут юные новоселы.

Область сердца — область Сибири
Там в пшенице одна заблудишься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — всё там сбудется.

Поезд полон, как ветром, песнями.
Их везут, и на каждой станции
Песня спрыгнет с короткой лестницы
И среди тишины останется.

Вот одна завернула за здания
И звенит где-то там, над рожью.
Но короткие расставания
Никого не томят тревожно.

Вот уже семафор ладонью
Приказал паровозу: трогай!
И на землю опять обронен
Гром, прикинувшийся дорóгой.

И пошел кулаками грохать
В днища клепаные вагонов.
Он устроен не так уж плохо,
Молодой и неугомонный.

Под него веселей живется,
От Москвы до Владивостока
Он не раз еще отзовется
Эхом юности в днях далеких.

И к заслуженным агрономам
Вдруг, при встрече случайной, где-то
Подойдет, позовет знакомо
Этот поезд, идущий в лето.

3

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист.

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...»
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
«Что ж, послушаем и проверим ...
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас, я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

В ЭТОТ ДЕНЬ

Давно забыты гимнастерки нами.
Мы пашем землю, строим города.
Мы — люди в штатском,
И уже на память
Война приходит реже.

Но когда
Замрут на правом фланге ветераны,
Команда: «Смирно!» —
В тишине дано
Нам с армией припомнить заодно:
Поля,
 полки,
 дороги,
 битвы,
 страны,
Торжественность великого момента.
Там, на плацу открытом, у древка
Пройдут чеканным шагом ассистенты,
И встанет знамя в голову полка —
Тяжелое, горячее, большое,
Всё в золоте червонном и шелку,
Овеянное жарким ветром боя,
Навеки прикипевшее к древку.

Потом качнутся резко клубы дыма
И — настезь люки танков,
и взревут
Моторы в тишине неповторимой...
Пусть нас иной теперь волнует труд,
Но, услышав глухой дизельмоторный,
Издалека до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики,
башнёры —
И номера полков произнесем!

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птица присела на куст.
И упругая ветка под нею колышется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет —
Слышат всё пограничники в строгих секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война.
Как в порту, под пехотою трапы колышутся.
Вот какая стоит на границе у нас тишина.

ЗАСТАВА ИМЕНИ КОРОБИЦЫНА

В квадратной самодельной раме
Закат меж соснами горит.
Ручей в бурлящем беге замер,
И неподвижно снег летит.

Там, возле старого сарая,
Где до границы — два шага,
Со смертью в прятки не играя,
Встречает часовой врага.

Художник-старшина, на славу
Владея кистью, как окно
В далекий день своей заставы.
Открыл на стенке полотно.

Тревожный ветер веет в лица
От заснеженного холста,
И бьет с колена Коробицын,
Ни шагу не сходя с поста.

Четыре дула поднимая,
Враги подходят стороной,
Вот-вот ударит пуля злая —
И упадет на снег герой.

Но на заставе знаменитой
Стоит его кровать в ряду;
Подушка аккуратно взбита,
И полотенце на виду.

Как будто он кровать заправил
И только что в наряд ушел,
Не зная о бессмертной славе,
В которую давно вошел.

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ

На энской, на дальней заставе,
Где сосны одни да туман,
Начальник заставы оставил
С коричневым чаем стакан.

Включает усталый начальник
Приемник среди тишины,
На энской заставе, на дальней,
У самого края страны.

Довернута «громкость» на полный,
И стрелка ползет вдоль шкалы,
Сшибаются радиоволны,
Как бурного моря валы.

Болгарская речь донесется —
Певица в Софии поет,
Начальник легко улыбнется,
Ладонью щеку подопрет.

Припомнит дунайские ночи —
Он был в этих славных местах,
Вот жаль, по-болгарски не очень
Начальник заставы мастак.

Стремительный гул и нестройный
Ворвется в динамик вослед.
Поправит начальник спокойно
На поясе свой пистолет,

Чтоб сесть поудобней, поправит,
Да брови нахмурит слегка,
Да вспомнит о танковой славе
Ходившего к Эльбе полка.

В плащах потемневших тяжелых
С границы приходит дозор...
Срывается радиоголос,
Негромкий идет разговор:

«Порядок. Оружье почистить,
В сушилку плащи, старшина!»
Как бабочки, мокрые листья
Прилипли на стёклах окна.

Наверно, в Москве в это время
Такие же листья летят;
Он смотрит в ненастную темень,
Он хочет увидеть Арбат.

И вот, будто в центре столицы,
Средь черной лесной тишины
Куранты гремят на границе,
У самого края страны.

Машины, гудя, пролетают,
А дождь подступил, как стена.
И он старшину вызывает:
«Удвойте наряд, старшина».

МОЛОДОЙ СОЛДАТ

В полк пришел
новобранец безусый,
паренек
из-под Старой Руссы,
в полк
четырежды краснознаменный.
Вносят в список его
поименный.

Девятнадцать
ему от роду.
Не бывал он
в боях-походах...
На стене —
героев портреты.
Он узнал о них
из газеты.

Как живые,
глядят с фотографий
люди
сказочных биографий.
Шли они,
поднимая роты,
закрывали
собою дзоты.

С них
полка начинается список...
В ту же книгу
он будет вписан.
Молча
замерли батальоны;
встал он
тихий и потрясенный:
принимают
его перед строем —
равным в братство
к великим героям.

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных
Холодок поднимается, как от реки,
Ходит с саблей дежурный, над снами хозяином,
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки,
пулеметчики,

Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

* * *

За тыщи верст от моего жилья
Вновь юность повторяется моя.

Стучит в горах далекий пулемет,
И падает сигнальная ракета.
Не я ль ее отправил в небосвод
В далекий год под Новгородом где-то.

Горячая испанская земля.
Там кипарисы, словно тополя,
И лавры, как размашистые дубы,
И катятся и катятся в поля
Седого дыма медленные клубы;
В атаку парень поднимает взвод,
Посвистывают пули разрывные...
Он по родной Испании пройдет,
Как я прошел со взводом по России.
Я не забыл, как, поднимая взвод,
Под Новгородом в тот далекий год
Я так послал ракету в небосвод,
Что мне казалось: на краю Европы
Падет она...

Родимая земля,
Седеющие тополя на тропях,
И клубы дыма тракторов в полях,
И грома дальний приглушенный
топот...

За тыщи верст от моего жилья
Вновь юность продолжается моя.

НА ПОВЕРКЕ

Вечер над землей горит не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку;
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

С моего положенного места
Отвечаю старшине не я,
На прогулке запоет он песню
Ту, что пели все мои друзья.

Рота грянет, жарко небосводу,
Тучи выгибаются звеня;
Знать, с него сегодня помкомвзвода
Спрашивает службу, как с меня.

Бьют о камень новые подковы,
Оборвался свист над головой,
И походный шаг правофланго́вый
С ходу заменил на строевой.

Еходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,
Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.

На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

Он в своей науке образован,
А еще точнее говоря, —
Не реку форсировать готов он:
Знает, что имеются моря.

Знает, что готовятся за ними
Пушки, танки, бомбы, корпуса...
Я живу заботами иными,
Создаю каналы и леса.

Пламя домен надо мной не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

Только пусть там помнят, за морями:
Как и он сейчас в полку, своим
Я считаю полковое знамя, —
Ну как вместе встанем мы под ним?

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.

Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран.
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высокó — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звёзды алые Кремля,
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

СОДЕРЖАНИЕ

1

Самолет летит в Сталинград	5
Сталинград	6
Как линкоры, заложенные в степи...	7
Катятся мохнатые шары...	9
Звёзды	11
У репродуктора	13
Марья Гавриловна	15
Лесовод	18
Памятник танкистам в Калаче	19
В клубе	21
Сталинградский дождь	23
Шлюз	25
Конь	27
Танки в Сталинграде	29

2

Светлый север, лес дремучий...	33
Дергач	34
Опять плывет закат над реками...	35
После дождя	36
Фотограф	37
Шура Капарулина	40
Голубь	43
Жеребенок	45
Пришел мальчишка в школу, в первый класс	47
Станция „Валя“	48
В кино	49

На свадьбе	51
В теплице	53
Песня	55
Пловучая культбаза	57
Гидроэлектростанция	59
Платогон	60
Новый мост	62
Старый буксир	63
Паромщик	64
На пристани	66
Бакенщик	67
Курортники	69
Ночь	71
Ты любовь не зови...	73
Студентке	74
На вокзале	76
Поезд	78

3

Экзамен	83
В этот день	85
Тишина	87
Застава имени Коробицына	88
Начальник заставы	90
Молодой солдат	92
Ночью в казарме	94
За тыщи верст от моего жилья...	95
На поверке	96
Площадь Революции	98

Редактор *М. А. Дудин*
Художник *П. Н. Бусырев*
Технический редактор *Л. Г. Левоневская*
Корректор *Е. Н. Куренкова*

Подписано к печати 23 апреля 1952 г. М-30710
Формат бумаги $70 \times 92 \frac{1}{32} = 1,56$ бум. л. — 3,65 печ. л.
Тираж 3 000 экз. Изд. № ХС — $\frac{1}{1971}$. Заказ № 396

Типография им. Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57

